

Е. Ехилевский

Прививка от ничего

Евгений Ехилевский
Прививка от ничего (сборник)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7322891

Аннотация

Жанр сборника определяется просто, хотя такого и нет в литературном справочнике. «Байки». Короткие рассказы, основанные на реальных событиях, с некоторой долей художественного вымысла. Смешные и не только.

Содержание

Часто Задаваемые Вопросы. (Предисловие)	4
Доброе утро	5
Дань	6
Пацифист	7
Изделие №1	8
СТОМАТОЛОГИЯ	9
И Молдаванка, и Пересыпь	10
Глубокий подход	13
Необыкновенный читатель	14
геМОРрой нашего времени	15
При пожаре звоните	16
Город 4079	18
Экзамен	19
Спиной к миру	22
Ниже пейджера	23
Посылка	24
Не щелкай клювом	25
Из пункта, А в пункт Б	26
Начало пути	27
Расставание с мечтой	28
Вышний Волочёк	29
Утро	30
Новгород Великий	31
Наугад	32
Последний бросок	33
Вместо послесловия	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Евгений Ехилевский

Прививка от ничего Рассказы

Часто Задаваемые Вопросы. (Предисловие)

Что это?

Это – 74 почти правдивые истории. 74 «анекдота», как их называли бы в пушкинские времена. 74 «байки», как их называли бы сейчас.

Небольшие рассказы, основанные на реальных событиях, с известной долей украшения, и отнюдь не только комичные.

О чем это?

О жизни. О любви. О несправедливости. О глупости.

О том, как странно устроен мир.

О том, что всё не такое, каким кажется на первый взгляд.

Всё это было?

Я честно «списывал» с жизни (своей и не только) сюжеты, истории, фразы. «Списывал» персонажей и обстоятельства. Всё это действительно было.

С другой стороны, я многое дорисовал, додумал, дополнил. Так не было, но могло бы быть. Это вселяет в меня надежду на некоторую художественность данных произведений.

Персонажи вымышлены?

Периодически от прототипов персонажей поступали совершенно противоречивые жалобы. Одни сетовали, что их имя не изменено, а другие – что изменено или вовсе не названо.

Поэтому, как в начале фильма, я вынужден сделать ремарку: все без исключения люди, их фамилии, имена и особенно должности являются вымышленными. В отличие от моих персонажей.

А «жена» вообще является собирательным образом в прямом смысле этого слова.

Для чего это?

Подумать. Погрустить. Посмеяться.

Пропорцию каждый выберет для себя сам.

Доброе утро

Ресторан в студенческие времена представлялся чем-то невероятным. Как сейчас – яхта Абрамовича. Поэтому мы ходили в кафе. «Маленький двойной кофе» (а этот пароль значил, что на то же количество воды стоит взять нормальное количество зёрен) стоил 20 копеек. Пирожное – 22 копейки. Оставалось ещё 8 копеек. На чёрный день.

Но в ресторан всё равно тянуло. Однажды мы взяли стипендию заболевшей однокурсницы и пошли в «Литературное кафе» – так назывался ресторанчик на Невском. Нам показалось, что это интеллигентное название гарантирует приличную публику. На 40 рублей нам удалось съесть по горячему с гарниром и запить это коньяком. Впечатлений не осталось, за исключением последующей встречи с однокурсницей.

Кафе стремительно преображались. Перестройка требовала новых подходов к клиентам – кроме кофе и пирожных стали появляться спиртные напитки и салаты. Мы ходили в одну такую «стремительную» кофейню, если не забредали в ПНИ – Пивную Напротив Института.

Мне нравилось сидеть у окна и смотреть, как жизнь города течёт по залитому солнцем проспекту. Контраст между неспешными глотками кофе и несущимися за окном автомобилями успокаивал и настраивал на философский лад.

Я как раз сидел у окна, когда в кафе ввалился здоровый, но весьма презентабельный детина в кожаном пальто поверх безупречного двубортного костюма. Подойдя к стойке, он осведомился усталым голосом:

– Чем у вас можно опохмелиться?

– Только шампанским! – рассмеялась одна из девушек за стойкой.

Детина достал из внутреннего кармана бумажник, по размерам более напоминающий футляр от электробритвы, и повеселевшим голосом скомандовал:

– Бутылку шампанского!

Получив свой заказ, он обвёл взглядом кафе и направился к моему столику.

– Скучно одному пить, – доверительно сообщил он. – Вы позволите угостить вас шампанским?

Я не нашёлся, что возразить. Когда первый бокал был благополучно осушен, детина откашлялся и продолжил:

– Вы думаете, почему мне так плохо? Потому что я пью. А почему я пью? Из-за жены. Нет, не подумайте – жена у меня очень хорошая. Но даже «хорошая жена» – это как «достойная смерть».

Примерно на втором браке я понял, о чем он говорил в то доброе, солнечное утро.

Дань

Макс взял отпуск на две недели и билет в Самару.

Не то, чтобы он мечтал провести отпуск в Самаре. И даже деньги на поездку в Турцию или Болгарию у него были.

Просто он был прописан в Самаре, а пришло время менять фотографию в паспорте.

Не очень понятно, почему фотографию нельзя приклеить в ближайшем государственном учреждении, занимающемся паспортами. Почему для этого необходимо платить деньги за билет и тратить свой и без того небольшой отпуск.

Не найдя ответов на эти вопросы, Макс сел в поезд, устроился у окна и открыл бутылку пива.

Поезд, едва покинув вокзал, сразу оказался где-то в Самаре. Петербург как бы мстит уезжающим, окуная их в промышленные пейзажи, грязь и заброшенность уже в километре от перрона.

Петербург – ревнивый город. Поэтому Макс пошёл в вагон-ресторан и купил ещё пива. Потом ещё. И ещё.

В Самаре очень болела голова. Не то, чтобы она всегда и у всех болела в Самаре. Но Максу не было дела до остальных. Утреннее солнце слепило глаза, в висках продолжался перестук вагонных колёс.

Он плёлся в паспортный стол, обдумывая по дороге, почему это так называется. Почему не стул? Не шкаф?

За ободранной дверью действительно оказался стол. Сосредоточившись, Макс изложил суть проблемы, толкнувшей его на такое путешествие.

– Пожалуйста, – сказала паспортистка. – Через три недели будет готово.

– Барышня, – взмолился Макс. – Я приехал из Петербурга. У меня отпуск две недели...

– А что я могу сделать? – удивилась она.

– Ну фотографию же вклеить можно за десять минут...

– Такие правила!

Макс понял, что пора использовать другие методы.

– А может быть всё-таки, – сказал он тоном заговорщика и потянулся за кошельком. – Я буду вам благодарен...

– 500 рублей, – отрезала паспортистка, ничуть не удивившись предложению.

– Так конечно, – обрадовался Макс, доставая купюру. – Я пожалуйста! Я всегда...

Уже через десять минут он стоял на улице с обновлённым паспортом в одной руке и квитанцией в другой.

Макс решал, что посмотреть раньше, а что потом. С паспортом всё было примерно понятно, а вот квитанцию на взятку ему вручали впервые.

Он развернул маленький листочек бумаги.

В аккуратном приходно-кассовом ордере значилось:

«500 рублей. В фонд развития паспортного стола».

Пацифист

Когда мой приятель «хлопнул дверью», жена была в замешательстве. Пятнадцать минут она сидела на кухне, пристально глядя на дверь. Как будто именно та была виновата в произошедшем.

Потом шок прошёл. Нужно было подумать о перспективах.

Они так давно были вместе, что жизнь без мужа представлялась чем-то невероятным. Хотя... Она хорошо зарабатывает. Именно она готовит и убирает в квартире. А за покупками они ездили вместе на машине... Стоп! Машина!

Давно получив права, она так и не сидела за рулем семейной «девятки». Муж – автогонщик-любитель – никогда не давал ей водить, хотя машина была записана на неё и куплена частично на деньги её отца...

Решение созрело мгновенно. Быстро одевшись, она пошла к гаражу. Без проблем вывела автомобиль и отправилась путешествовать по столичным магистралям. Скорость, сосредоточенность, внимание – нет лучшего средства от тоски.

Красный. Жёлтый. Она включила передачу и нажала педаль. Однако соседние машины взяли старт гораздо быстрее. Она нажала ещё, тюнингованная «девятка» взревела... И вдруг послышался подозрительный металлический стук сзади.

Мелькнула страшная догадка: вместо первой передачи она включила заднюю... Боясь посмотреть в зеркало заднего вида, она всё-таки нашла первую и рванула с места. Что будет дальше – подумать не успела.

А дальше, через пару сотен метров её догнал и начал подрезать красивый чёрный автомобиль с почти пацификой на капоте. Тут она с ужасом поняла, что «подозрительный металлический стук сзади» относился именно к этому «Мерседесу». Забыв от страха нажать на тормоз, снова услышала знакомый звук. На этот раз – спереди.

Уткнувшись в руль, она тихо прощалась с жизнью. Странный вечер. Начинался нормально. Потом уход мужа. Но это же не повод для самоубийства! Тем более – такого нелепого...

Тем временем из «Мерседеса» вальяжно вышел мужчина «атлетического сложения». Он медленно шёл к «девятке», поигрывая чётками. Заглянув в окно и увидев заплаканную барышню, почесал в затылке и спокойно произнёс:

– Девушка! Давайте договоримся...

– Да, да, – прошептала она, хлюпая носом. – Я квартиру продам, я займу...

– Давайте договоримся: я сейчас поеду, а Вы постоите здесь ещё 15 минут... Минимум!

Изделие №1

Раньше большинство людей работало на оборону страны, даже не являясь военными, – в различных институтах и на заводах, носящих загадочные названия драгоценных и полудрагоценных камней. В народе же такие учреждения назывались «ящиками». На бумаге их фактически не существовало – ни названия, ни адреса. Миллионы писем шли по стране в никуда – п/я (почтовый ящик) 12, п/я 19, п/я 31...

На оборону страны не работали только те, кто:

- учил работающих на оборону страны,
- кормил работающих на оборону страны,
- лечил работающих на оборону страны,
- следил за работающими на оборону страны, а также теми, кто их учил, лечил, кормил.

Если вспомнить, что страна – это люди, то получится, что все работали на свою же оборону, забыв о еде, одежде, элементарных удобствах. По 40 часов в неделю стойко обороняли коммуналки и очереди за туалетной бумагой.

Несмотря на лёгкий флёр таинственности, все примерно представляли себе, чем занимаются «драгоценные» и «полудрагоценные» учреждения. Но спокойнее было молчать или говорить шёпотом на кухне:

- Там выпускают оборонные Изделия...

«Изделиями» в стране являлось всё. От конфет до презервативов, которые в народе назывались «Изделие №1».

В «ящике» работать было не так уж плохо. Несмотря на жёсткий контрольно-пропускной режим, внутри можно было делать, что угодно. Кто хотел – трудился для своего удовольствия. Остальные курили, обсуждали бытовые проблемы, читали, вязали. Правда, в общении приходилось быть осторожным. Особенно, если дело касалось анекдотов. Но встречались и порядочные стукачи, которые выходили из помещения, когда речь состояла из невинных шуток, а не чего-то политически-серьёзного.

Вообще, компания в «ящиках» подбиралась хорошая. Эти учреждения были брендами, как теперешние трансконтинентальные корпорации, – кого угодно туда не брали. Во всяком случае, там работали люди с хорошим образованием, которое тогда тоже было брендом.

Работа в «ящике» почти всегда сопровождалась командировками – Изделия надо было испытывать. Кому не везло – ездил на север, кому везло – на юг. Последнее было особенно приятным моментом в работе. Свободное от испытаний время можно было посвятить пляжу, купанию, купальщицам и «Изделию №1». Контраст между режимным учреждением и морским побережьем действовал, как холодный душ. Некоторые начинали вытворять совсем безрассудные вещи.

Один командировочный сразу опьянел от запаха моря. В секретной телеграмме, которую нужно было отправить по прибытии, он написал:

«Изделие 12 прибыло месту испытаний. Срочно вышлите документацию 21 сопровождении тов. Золотарёвой».

Весь «ящик» знал, что с Золотарёвой у них роман. Весь «ящик» знал, что такие телеграммы просматриваются теми, кто следит за работающими на оборону страны. Но руководство, несмотря на риск, отбило ответную секретную телеграмму:

«Приступайте испытаниям Изделия 12. Документацию 21 высылаем. Золотарёву найдёте на месте».

Всё-таки, некоторым людям удалось даже в то время не стать «Изделием».

СТОМАТОЛОГИЯ

Я – упрямый человек. Как-то мне сказали: «Эта барышня тебе «не по зубам»... Так я первый раз женился. Потом – первый раз развёлся. С зубами у меня всегда было плохо. Но к стоматологу я не спешил.

Я не доверяю людям, которые спешат к стоматологу. Если маленькая дырочка в зубе мешает человеку жить, я не понимаю, что для него «жизнь».

Стоматолог – замечательная профессия. Никому из его клиентов не придёт в голову давать ему советы. Чего не скажешь, например, о рекламной отрасли. Я придумал это сравнение несколько лет назад, а недавно вычитал его в интервью Фредерика Бегбедера.

Мой знакомый стоматолог всё время принимает «левых» пациентов. На чужом оборудовании, с чужими материалами. Отсюда – евроремонт, две иномарки и обязательный отдых на Кипре. При этом мама дантиста считает, что Ходорковского посадили правильно, налоги нужно платить. Так рассуждает она, складывая тарелки в посудомоечную машину.

Стоматологи наступают. Их кабинеты уже в каждом квартале, как раньше – булочные. Значит ли это, что время складывать зубы на полку?

С другой стороны, зубы – это модель жизни. Сначала период «молочных» – некая проба, когда можно ещё что-то исправить, сделать заново... Потом «коренные» – уже не исправишь, можно только латать или удалять... Всё меньше зубов, всё больше дыр.

Жизнь желтеет, воняет вчерашним алкоголем и болит.

И Молдаванка, и Пересыпь

Я боялся ехать туда... Со всех сторон слышалось снисходительное: «Одесса уже не та...» Я же вообще не понимал, как город может быть «таким». Да, есть Ильф и Петров, есть Жванецкий, есть команда КВН «Джентльмены», есть, в конце концов, многочисленные анекдоты. Но это всё же литературный юмор, это искусство. За ним – конкретные люди, талантливые писатели, до фанатизма любящие свой родной город и потому наделяющие его частицей своего творчества. А чтобы вот так – прямо на улице, первый встречный... Как это может быть?

К счастью, опасения мои развеялись уже в троллейбусе, идущем от одесского вокзала по Пушкинской улице, – два одессита разговаривали о ценах. Тот, который постарше, с жаром произнёс:

– Сейчас всё так дорого! Сейчас даже прививка *от ничего* стоит пятнадцать...

Видимо, южный темперамент и относительная независимость от любых государств, считающих Одессу своим городом, позволили одесситам сохранить этот уникальный врождённый дар. Никакие политические и экономические катаклизмы не заставили горожан – от негоциантов до уличных нищих – перестать смеяться.

Первое время я пытался запоминать. Потом, когда многое уже потерялось в лабиринтах немилосердной памяти, всё-таки стал записывать.

Надпись на автобусе: «Водитель, будь осторожен при проезде *мимо* детей!»

Надпись в трамвае: «*Придерживайтесь* за поручни!»

На улице ко мне и моему приятелю подошла женщина средних лет, достаточно бедно одетая:

– Молодые люди, вы меня не выручите пятью копейками? У меня сегодня такая *радость* – муж повесился!

– ?!?

– Вы себе не представляете, какое это *горе*...

Бармен в пивной:

– Вы отдаёте кружки?

– Нет, мы повторяем.

– Так повторяйте *уже*!

На пляже парочка разгадывает кроссворд.

Она: «Проулок без сквозного проезда»

Он: «*Пересыпь* после дождя...»

Афиша дискотеки: «*Девушкам* до 60 лет вход свободный...»

За стеклом автобуса, стоящего на кольце, табличка с надписью: «*ОБЕД*».

Инструкция в междугородном телефоне-автомате начинается так:

1. *Присядьте и успокойтесь*.

Разговор в булочной.

Покупательница: «Ещё один и *вот такую вот*»

Продавщица: «Какой *один?*»

Бомж благодарит меня за поднесённую спичку:

– Спасибо большое!

– Не за что...

– Как не за что? *Огонь... Прометей...*

Объявление: «Обучаю английскому за 2 месяца *с гарантией на 2 месяца.*»

Протянул нищему папиросу «Беломорканал». Он спрашивает:

– Какой?

– Питерский.

– О, Питер очень красивый город... *Можно ещё одну?*

В кафе мужчина просит для ребенка стакан сока. Продавщица:

– Сок – ребенку? Что Вы – он же разбавлен *сырой* водой!..

В том же кафе маленькая девочка жалуется на недовес (недолив):

– Вы хотите сказать, что здесь 150 грамм?

– А ты *по мерке знаешь?* Так иди в аптеку работать – там взвешивают!

В аэропорту шуточное объявление, написанное остряком от руки:

«Кто будет уезжать последним, не забудьте выключить свет!»

Реклама на дверях магазина:

«По самым низким ценам. Хлеб. Масло. Песок. *Цемент*»

Надписи на обратной стороне бутылки водки «Привет из Одессы»:

Об чем думает старый биндюжник?

«...Он думает об выпить хорошую стопку водки...»

Исаак Бабель

Водка особая «Привет из Одессы» – это что-то особенное!

Особенно хороша в меру и в душевной компании.

Перед употреблением рекомендуется охладить.

После употребления рекомендуется закусить.

На Дерибасовской спешащий прохожий обращается к пожилой одесситке:

– Вы не подскажите, сколько времени? А то у меня часы то туда, то сюда...

– Молодой человек! Пять минут больше, пять минут меньше – *какая разница?*

На пирсе сидят рыбаки. Подходит дама с собакой, и собака бросается в море. Один из рыбаков обращается к женщине:

– А что же хозяйке не нырнуть следом? *Собачка уже нагрел море!*

Монолог пожилой женщины в трамвае:

– У нас в коммуне три проститутки, четыре наркомана, остальные – алкоголики... Зато мы *центральногородские*, а поселок Котовского – это сельпо...

Глубокий подход

Маршрутка №1 преодолевает путь от полубандитской Сенной площади до пролетарски грязной Нарвской заставы. Естественно, – мимо Консерватории и Мариинского театра...

Маршрутка №1 идет мимо двух высших учебных заведений. По лицам пассажиров всегда можно определить, кто едет до Консерватории, а кто – до Института физической культуры и спорта имени Лесгафта.

В общем, маршрутное такси №1 повторяет спираль истории, но это выходит за рамки данного повествования. Главное для него – разношёрстная публика, встречающаяся в этом непростом виде общественного транспорта. Уникальном виде, позволившем ездить на такси за 15 рублей. Уникальном (повторюсь) виде, доказавшем, что в такси можно стоять.

Зато с каким шиком люди, лишённые «счастья» повелевать у себя на работе, отдают приказания водителю:

– На остановке остановите!

И вот в этом тесном сплетении судеб и локтей раздаётся тонкий голосок консерваторской барышни:

– Будьте так любезны, напротив памятника Глинке остановите, пожалуйста! Заранее благодарю!

В маршрутке повисает нехорошая тишина. Водитель сосредотачивает весь свой потенциал на обработке поступившей информации и пропускает немаленький ухаб. От толчка просыпается похмельный гражданин и, едва не выронив заветную баночку «Балтика 9», произносит:

– Глубокий, блядь, подход...

Необыкновенный читатель

Мы сидели во дворе Литературного института, прямо у памятника Герцену. Это единственное место, скрытое ветвями от декана, периодически мелькавшего в окне второго этажа.

Владик сходил за водкой. Мы отмечали удачную защиту моего диплома. За исключением замечания, что из любой моей строчки можно было бы «раскатать» целое стихотворение, всё прошло отлично. Как и первая бутылка.

Алик уснул примерно между второй и третьей. Его рыжая борода была устремлена в серое московское небо, голова запрокинута. На скамейке он удерживался исключительно силой нашей мысли.

И тут, как это обычно бывает, потянуло на философию. Кто-то завёл глубокомысленный разговор, «понятны ли стихи Ехилевского обыкновенному читателю». Я предпочитал отмалчиваться.

Жарче всех спорил Зайцев с факультета прозы. Он весь покраснелся, по упитанным щекам текли капли пота. Вообще, прозаики пить не умеют. Больше всех у нас пили поэты и детская литература. А прозаики – сразу начинали кипятиться и говорить о вечности. Мне это не нравилось. Почему нельзя просто посидеть спокойно?

В разгар зайцевской пылкой речи Алик решительно всхрапнул и поднял голову. От неожиданности все замолчали. Алик оглядел присутствующих мутным взглядом и с досадой сказал:

– Зайцев! Ты не обыкновенный читатель! Ты вчера воблу в суп покрошил... Я видел.

геМОРрой нашего времени

Печорина, Базарова и Онегина давно заменили герои рекламных плакатов и роликов. Даже Джеймс Бонд – уже не объект для подражания. Он статичен, он не так тонко улавливает «современные тенденции», как герои рекламы.

Мы хотим одеваться так, как они. Отдыхать там, где они. Хотим машину, как у них. Иногда даже хотим контролировать уровень холестерина, как они. Но это – минутная слабость.

И тут хотелось бы продолжить мысль одного моего коллеги по рекламному «цеху»... Хотите быть такой же счастливой и сияющей, как та девушка с рекламного плаката? Нет ничего проще! Для этого вовсе не нужно покупать рекламируемый товар...

Встаньте в 6 утра. Примите душ.

Как бы вам ни хотелось кофе с бутербродом, выпейте стакан бифидо-кефира.

Накрасьтесь, уложите волосы, поправьте маникюр.

Оденьтесь и, взяв тяжёлую сумку, бегите по льду на каблуках в ближайший фитнес-клуб – ведь в 8 у вас тренировка.

Переодеться. Беговая дорожка, гантели, пародия на велосипед...

Снова душ, поправить макияж, привести в порядок причёску. Переодеться.

Хочется кофе с бутербродом? Как же! Стакан свежевыжатого морковного сока.

И снова – бегом, на каблуках, с сумкой. В 10 – депиляция под бикини, а в 11 начинается фотосессия.

30 минут у визажиста, который будет цокать языком и ворчать. Дескать, за собой надо следить.

А потом – 5 часов, почти неподвижно, стараясь под крики фотографа изобразить непринужденную улыбку и раскованную позу...

Смыть с себя грим. Опять душ. Переодеться.

Ну вот, кажется, и всё.

Теперь забирайте свою пару сотен долларов и будьте счастливой, будьте сияющей – вы девушка с того самого рекламного плаката.

При пожаре звоните

Огненное солнце падало куда-то за МКАД...

Я выехал из автосервиса, подсчитывая, во сколько мне обходится машина. Купленный за 900 долларов ВАЗ-2105 первый год вёл себя хорошо. Второй год напоминал взаимоотношения красоты и надоевшего ей любовника – за удовольствие нужно было очень много платить. И бросить жалко, и расплачиваться всё обидней...

Я выехал на кольцевую. Вечером она похожа на первомайскую демонстрацию – стройные ряды автолюбителей отмечают окончание рабочего дня. Гонять не хотелось, да и как тут погоняешь?

Моё философское настроение прервал «Бобик». Так я стал называть машину, когда на вопрос «ну как?» всё чаще приходилось отвечать «Бобик сдох». На этот раз он не то чтобы сдох... Он как-то отключился... Без предупреждения, без каких-то симптомов... Просто настала полная тишина, двигатель замер, все стрелки «легли на ноль»... Так прерывается музыка, если выдернуть вилку магнитофона из розетки.

Я включил «аварийку» и съехал на обочину. Из-под ног пополз дым. Когда я успел закипеть? Языки пламени под торпедой исчерпывающе ответили на мой вопрос. Я потянулся за огнетушителем.

Каждый автомобилист, покупая огнетушитель, искренне надеется, что это – ненужная вещь. Как талон техосмотра. Как аптечка. Потому старается сэкономить. Вот и мой огнетушитель, внешне более похожий на дезодорант, был экономным. Его грустная белая струйка даже не дотянулась до языков пламени и упала на ковёр.

Я вышел из машины. Салон был уже достаточно задымлён, чтобы у проезжающих не было вопросов, по какому поводу я голосую. Нет, мне не в Южное Бутово. Мне нужен человек, который не экономил на огнетушителе. Я хочу познакомиться с ним. Поговорить. Как он живёт? Что он ест? Какие сигареты курит?

В это время зазвонил телефон. Вальяжный голос моего стокилограммового шурина медленно произнёс:

– Так что, я не понял, мы собаку с дачи когда забираем?

С Димой мы познакомились на вступительных экзаменах в институт. Я приехал на сочинение с бодуна. Увидел темы, попросил разрешения выйти. В ближайшем кафе заказал пива. Как выяснилось, в то утро не только я сдавал экзамен таким способом. С тех пор мы дружим.

Однажды во время сессии я заехал к Димке в гости, в результате чего женился на его сестре и остался в Москве. Вот такая «Санта-Барбара».

– Дим, я не могу сейчас разговаривать, у меня машина горит, – отрезал я и повесил трубку.

Автолюбители освободили два ближайших к горящей машине ряда. Надежда на солидарность таяла, салон разгорался. Я побрёл забирать вещи. Так, что у нас тут? Магнитофон вряд ли уже пригодится... Карта Москвы тоже... Сумка с документами, сигареты... Интересно, после взрыва обломки машины летят вперёд или назад? На всякий случай я пошёл вперёд – подальше от полупустого бензобака.

В этот момент рядом остановился «поливальщик». Я открыл рот, чтобы сформулировать и так очевидную просьбу. Но водила взял инициативу на себя:

– Вообще, воды у меня нет. Вылил уже всю. На шланг давления не хватит. Но ведёрко нацедить можно...

Тонкая струйка не спеша заполняла оцинкованное ведро, когда вновь зазвонил телефон. На этот раз – жена:

– Ты совсем обалдел? Мне звонил сейчас брат, сказал, что ты нажрался и несёшь какую-то чушь про машину. Мы когда собаку с дачи забираем?

– Дорогая, я не могу сейчас разговаривать, у меня машина горит! – я снова бросил трубку.

Одно дело, когда ты прекрасным летним утром медленно наполняешь ведро воды у источника на соседней улице дачного посёлка... Другое дело, когда ты на МКАДе, рядом с горящей машиной.

– Мужик! – сурово сказал я. – Ты бы бросал это дело. Сейчас рванёт, никому мало не покажется! Спасибо тебе, езжай. Ничего уже не сделать...

– Спокойно! Успеем!

Меня всегда потрясала эта черта русского характера – внезапные всполохи ответственности на фоне общей безалаберности, героизм, перемежаемый трусостью, помесь рассудочности и полной нелогичности. Мы боимся не заплатить за квартиру в срок, а вот стоять рядом с горящей машиной – не боимся!

Вода упала в машину с характерным шипящим звуком. К сожалению, ведра было мало – огонь продолжал пробиваться даже через мокрые поверхности.

В это время из крайнего левого ряда спикировала старенькая «шестёрка». Дедок-водитель вытащил из багажника здоровенный огнетушитель, какие ставились раньше в госучреждениях, и, ни слова не говоря, полностью залил его содержимым салон моего многострадального Бобика.

Я смутно помню, что мы даже обменялись телефонами. Только когда все разъехались, я почувствовал, что меня трясёт. Не осталось и следа от чёткой и спокойной работы мысли, не покидавшей меня всё это время. Я был готов заплакать. Но тут подъехала машина ГАИ:

– Так, почему знак аварийной остановки не выставлен?

Я постарался ответить максимально честно и спокойно, как только мог:

– Мужики! Вы совсем охренели? У меня машина горела. Го-ре-ла! Ещё минута – и ваш МКАД накрыло бы моими обломками. Какой в жопу знак аварийной остановки?

Как ни странно, моя аргументация была принята. Упаковавшись в свой новенький Форд и, естественно, даже не предложив помощи, блюстители уехали.

Я автоматически вытащил знак аварийной остановки. Потом бросил его в канаву. Сел в машину, прямо в это пушистое пенное облако, достал телефон и набрал номер:

– Алло! Михалыч! У меня, кажется, сегодня день рождения – надо выпить...

Город 4079

В городе 4079 четыре месяца длится зима. Ещё пять месяцев – нечто вроде поздней, несносной осени, когда хочется хотя бы снега и тридцатиградусного мороза, лишь бы не видеть всего этого... Оставшиеся три месяца происходит то, что в других местах принято как раз называть либо осенью, либо зимой. Но у нас называют «летом». Поэтому про него ходят поговорки:

«Лето было тёплым, но я в тот день работал...»

«Лето было короткое, но малоснежное...»

Тем не менее, в городе 4079 не спешат. Не потому, что не мёрзнут. А, видимо, для того, чтобы отдалить следующую осень. Не получается. И слава богу, потому что осень – это фирменный цвет города 4079. Его фасады, его стёкла, его вода, его лица – всё цвета осени. Он медленно падает, как осенний лист. С достоинством. Не спеша.

Поэтому в городе 4079 не ходят вверх по эскалатору метро. Не подрезают друг друга в многочасовых автомобильных пробках. Здесь нельзя спешить, отсюда нельзя уехать. Потому что город 4079 – это национальность. В том, изначальном смысле слова. Когда оно говорило о бытности, о культуре, о языке... А не о ценах нефти на внутреннем рынке.

И поэтому здесь ещё гуляют. Не только за столом, но и по городу. По проспекту, по набережной, по берегу, по улочке дачного поселка. В любую погоду. Гуляют – и смотрят на волны. Даже если рядом нет воды. Ведь волны – есть всегда. Для тех, кто не разучился чувствовать, существует прибой времени. Он здесь есть, в этом городе 4079. В этих цифрах – шуршание прибоя.

Погоду в Петербурге всегда можно узнать здесь:

<http://www.gismeteo.ru/city/daily/4079/>

Экзамен

Школа даёт множество полезных знаний. Но никакого представления о реальной жизни. Потом с удивлением узнаёшь, что люди не обязаны к тебе хорошо относиться только потому, что ты хороший парень. «Хороший парень» – не профессия. А школьные преподаватели ставили тебе положительные оценки именно за это.

Один мой приятель заявил на экзамене, что «булка во рту разлагается на спирт и коньяк».

Другой одноклассник на вопрос «чем объясняется увеличение в последнее время количества межвидовых скрещиваний» гордо ответил:

– Падением нравов!..

Я же вообще заявил, что «не буду отвечать на теоретические вопросы по генетике, потому что я – практик!»

Все мы получили хорошие оценки. Потом поступили в Политехнический.

Разочарование настало уже на первом курсе. Преподаватель физики считал, что «на пять предмет знает бог, на четыре – он сам, а студент, соответственно, – максимум на три». С другой стороны, на Физико-техническом факультете тройка по профильному предмету была невозможна. Возникла патовая ситуация.

Я пришёл на экзамен после бессонной ночи, проведённой за учебниками. Я был небрит и помят. Преподаватель, несмотря на хронический алкоголизм, ежедневно носивший свежееглаженные рубашки, безукоризненные костюмы и шикарные галстуки, осмотрел меня с ног до головы и поставил два.

В следующий раз я появился в двубортном костюме и лучшем своём галстуке, недавно привезённом из Риги. Преподаватель долго смотрел на него и, видимо, счёл, что «на пять галстуки носит бог, четвёрки заслуживают его собственные, а галстук студента не должен превышать слабой троечки»...

Следующая попытка перешла из плоскости моды в сферу тактики. Я обратил внимание, что экзаменатор выставляет двойки утром и вечером, а днём, сразу после небольшого «обеденного» перерыва бывает благосклонен. Именно в этот небольшой промежуток времени я и проскочил со своими скудными знаниями. А вот «противник падения нравов» ходил сдавать физику двенадцать раз.

К третьему курсу мне подумалось, что экзаменационные мучения связаны с неправильным выбором будущей профессии.

Однажды преподаватель электродинамики сказал:

– В эту курсовую работу вы должны вложить душу...

Все засмеялись, а я пошёл в деканат с заявлением об уходе. Я чувствовал, что в курсовик о Достоевском смогу вложить душу.

Целый год я готовился к поступлению на Филологический факультет Университета. Ходил, как на работу, в библиотеку. Занимался с преподавателями английским языком и историей. Наверное, никогда больше у меня не было в голове стольких академических знаний.

Сочинение я написал на пять – единственный во всем потоке. Хотя меня отвлекали вопросами о количестве букв «с» в слове «прогресс».

Следующим был английский. Этот язык для меня, как музыка. То есть – вызывает большое волнение души, смутные образы, но ничего конкретного.

Я уставился на незнакомые слова в тексте для перевода. Через несколько минут встретилось одно знакомое – впрочем, многое объясняющее. Слово было – «Офелия». Передо мной лежал американский пересказ классики для школьников, позволяющий при минималь-

ных «затратах» выглядеть вполне начитанным человеком. Я стал думать о том, каким фаст-фудом подменяют классику, но тут меня вызвали отвечать.

Пока я пересказывал «Гамлета», преподаватель удовлетворённо кивал. Но потом попросил переводить «с листа».

– Не могу! – честно признался я.

– Почему? – удивился экзаменатор, не ожидавший подвоха.

– Я слов таких не знаю, – промямлил я, на всякий случай ещё раз заглянув в листок.

Пару минут мы молчали. Смотрели друг на друга. Потом по его лицу пробежало озабоченное, и в аудитории прозвучала фраза, полная гнева и радости разоблачения:

– Да вы просто читали Шекспира!

Я воровато огляделся.

– Ну, в общем, да... А что?

– Идите! Три!

Мне было стыдно. Не то за тройку на экзамене, не то за подпольное чтение Шекспира. Тем не менее, у меня было 8 баллов за два экзамена, что оставляло шансы. Следующей была история, к которой я готов блестяще. Да и вопрос попался прекрасный – культура начала XX века. Ничто не предвещало беды.

Мой рассказ был прерван вопросом, заданным с интонацией следователя:

– Кто был основоположником символизма?

Я сдержал желание быстро ответить «не я!» и повел речь о французских символистах, Соловьеве и прочем декадансе. Но меня перебили:

– Основоположником символизма, молодой человек, был Валерий Яковлевич Брюсов... Вы же понимаете, что с такими знаниями...

Я уже понимал. Оставалось только доиграть сцену до конца.

– Брюсов... Брюсов... Что-то знакомое... Это не тот ли Брюсов, которому Блок руки не подавал? Не тот ли Брюсов, которому в трамвае Гиппиус в лицо наплевала? Да, точно! Вспомнил! Продажный функционер Брюсов, из-за которого расстреляли Гумилёва...

Я вышел на улицу. На душе было необыкновенно легко. Что, к сожалению, не отменяло необходимости «порадовать» родителей.

Я зашёл в телефонную будку и набрал номер. Сквозь треск прокричал:

– Два!

– Что? Сдал? Молодец! Твоя жена в роддоме!

Я купил две бутылки портвейна. Одну положил во внешний карман костюма-тройки, а другую открыл. И пошёл к роддому.

Однажды к нам заехал родственник из Москвы.

Две «столицы» существуют в стране для того, чтобы жителю одной из них было, где спокойно попить водку – без назойливых звонков родственников и приятелей, без необходимости врать на работе... Встать с утра, выпить рюмку и пойти гулять по одной из «столиц».

После моего рассказа о поступлении в университет, а то есть – после второй бутылки, родственника осенило:

– Слушай! Ты же пишешь чего-то там... Давай к нам в Литинститут! Академическая программа та же. Плюс компания хорошая.

Возразить было нечего. Я отдал ему свои рукописи, чтобы он занёс их в приемную комиссию. И забыл об этом. Потому был сильно удивлён, когда мне пришло приглашение на экзамены.

Тут я применил совершенно другую тактику. Мало того, что я не готовился. Я даже не ставил будильник на утро. Может быть, именно поэтому получил 29 баллов из 30 возможных и стал студентом.

С экзаменами и курсовиками было, действительно, проще. Я изучал то, что хотел изучать, что понимал и чувствовал. Однако и тут не обошлось без приключений. Взять хотя бы тот же английский.

– Я буду вас всех спрашивать, а потом вы подойдете с зачётками, – сказала типичная «англичанка», сухонькая и ухоженная.

– Быстро за колонну! – сказал типичный поэт Дима, небритый и растрёпанный.

Мы стояли за колонной, пока весь курс на незнакомом языке рассказывал о своих семьях, любимых животных и летнем отдыхе. Потом подошли с зачётками.

Зачем-то современным литераторам понадобилась экономика. Я стоял перед дверью в экзаменационную аудиторию и думал, зачем. Наверное, чтобы квалифицированно торговаться с издательствами. Рассуждения прервал вбежавший Владик:

– Ты что-нибудь знаешь?

– Нет, конечно!

– Боишься?

– Ну, в общем да...

– Тогда пойдем!

Мы вышли из института. Купили бутылку портвейна. Выпили её в сквере и снова вернулись к аудитории. Очередь ещё была.

– Ещё боишься? – спросил Владик.

Я ничего не ответил и мы снова пошли.

Тянуть билеты пришлось, задержав дыхание. Посреди аудитории меня догнал Владик и спросил громким шёпотом:

– Слушай, а вот «естественная монополия» – это про что?

– Ну, наверное, про то, что в Бразилии кофе растёт, а не в Бразилии не растёт, – предположил я.

– Понял! – уверенно сказал Владик и пошёл к преподавателю.

Стараясь дышать в сторону, он полчаса рассказывал о Бразилии, кофе и всех несчастных странах, где этот самый кофе не растёт. Я слушал, как замороженный, проникаясь сочувствием к сложной экономической ситуации, созданной всего лишь отсутствием этих маленьких зёрнышек.

Я думал о том, что мир действительно несправедлив. Берётся откуда-то маленькое, но очень важное зёрнышко, и человек абсолютно счастлив. А у кого-то этого зёрнышка нет и быть не может.

Жизнь – монополия. Только что ж в этом естественного?

Спиной к миру

Он всегда стоял ко мне спиной...

Я приезжал в автосервис, что-то говорил, а он стоял ко мне спиной и перебирал инструменты.

Что ж, он – авторемонтник, он получает много. Я – копирайтер, я получаю мало. Он ездит на «БМВ» пятой серии, я – на потрёпанной десятилетней жигулёвской «пятёрке». И он стоит ко мне спиной.

Я думал, что дело в деньгах. Я стал зарабатывать больше, купил трёхлетние «Жигули»... Но он все равно стоял ко мне спиной.

Я думал, что дело в машине. У него – иномарка, а у меня... Я открыл свой бизнес, я купил иномарку... Но он всё равно стоит ко мне спиной.

Иногда мне кажется, что если его убить, он так и останется навсегда ко мне спиной.

Его так научили в детстве – стоять спиной к миру.

Наверное, даже – к самому себе.

Ниже пейджера

Средства связи ворвались в повседневную жизнь обывателей ещё более стремительно, чем персональные компьютеры. Только что пейджер, не говоря уже о мобильном телефоне, был таким же неизменным атрибутом «нового русского», как шестисотый «Мерседес». И вот уже с этими нехитрыми электронными устройствами ходят студенты... Только что рассказывали анекдоты про разговоры нуворишей «по трубке» – и вот уже можно поведать аналогичные истории про бомжей.

Я сам был свидетелем очаровательного разговора, происходившего в центре Москвы, среди бурлящего потока Тверской. Человек, если не без определенного места жительства, то уж явно без определенного рода занятий, гордо достал трезвонящий мобильный. Было совершенно понятно, что телефон этот он нашёл или украл. Тем не менее, он нарочито громко, чтобы все вокруг слышали, заорал «Алёёёёёё!» Поскольку хозяином телефона описываемый персонаж являлся недавно, его собеседник выразил недоумение. Во всяком случае – попросил к трубке не его. Поэтому в просторной перспективе Тверской улицы звонко прозвучало гениальное: «А здесь такие не живут!»

Вся эта техника, безусловно, внесла в быт дополнительные удобства. Стоит задуматься хотя бы о том, насколько больше было бы у меня женщин, если б до меня можно было в любой момент дозвониться. И насколько меньше было бы друзей... Это я к тому, что отрицательные стороны мобильных средств связи – также налицо. Взять хоть женатых людей, в положение которых я входил трижды.

С этим развитием техники стало достаточно сложно объяснять, что ты сидишь с другом у него дома, когда ты на самом деле находишься на дискотеке. В любой момент тебе могут задать вопросы, на которые ты сам затрудняешься найти ответ. Среди них – «ты где?», «когда ты будешь?», «что ты там делаешь?», «что это за шум?»

Но в первый раз мне повезло. Жена хотела получить в подарок именно пейджер, хотя я честно предлагал мобильный телефон. Это делало ситуацию выигрышной. О чем я поспешил рассказать Аркадию.

Мы остановились в небольшом сквере около метро.

Был ничем не примечательный вторник. Хотя солнце пригревало по-весеннему.

Я подошёл к телефону-автомату и набрал номер пейджингового оператора:

– Для абонента 5-5-3-5, – отчеканил я. – Задерживаюсь. Пью с Аркадием пиво.

Но Аркадий не обрадовался моей коммуникационной находке, а мрачно проворчал себе под нос:

– Угу... И повторите, пожалуйста, в среду, четверг и пятницу...

Посылка

Мой однокурсник Алик всегда ходил без денег. Зато это избавляло его от многих хлопот, которые берёт на себя всякий счастливый обладатель финансов. Он ничего не считал, не думал, в какой карман положить купюры, чтобы их не вытащили в транспорте... Он никогда не задавался вопросом, на что может хватить имеющейся суммы и как потратить её с максимальной пользой... Его не мучили сомнения, что купить сначала, а что потом... Его никогда не преследовала мысль, что денег не хватит до зарплаты...

У Алика никогда не было денег, зарплаты, работы. Талантливый поэт, «человек мира», он бродил по Москве в своём древнем плаще, с почтальонской сумкой через плечо. В сумке лежали рукописи и носки.

Пять вечеров в неделю Алик последовательно проводил у пяти своих приятелей, где его кормили и оставляли на ночлег. В выходные он уезжал к родителям в Коломну.

Мой день был вторник. Я волновался, когда Алик задерживался.

За постой Алик щедро «платил» мытьём посуды и длиннейшими историями, количество героев в которых было сравнимо с классическим романом XIX века. Приходя, он первым делом стирал носки и вешал их сушиться на батарею. Потом садился на диван, закуривал раскрошенную «Приму» и глубокомысленно произносил:

– Ооооо! Клёво!

Этой мантрой сопровождалось всё происходящее. Такова философия даосизма.

Можно было постелить Алику белоснежную перину, а можно было кинуть на пол коврик и положить под голову телефонный справочник... Мантра прозвучала бы в любом случае.

Естественно, всё потребление спиртных напитков шло не за счёт Алика. Однажды я в шутку сказал ему:

– Когда ты впервые угостишь меня пивом, я, наверное, напьюсь от радости...

В следующий вторник Алик появился с целой «батареей» пива. Он весь лучился от счастья, даже плащ выглядел новее.

Сперва я потерял дар речи. Но потом меня стали терзать смутные догадки, и я решился спросить:

– Воронин, откуда у тебя деньги?

– Так мне мама дала... Ей посылку надо отправить...

– Стоп, стоп! – не выдержал я. – Ты всё потратил на пиво. А как посылку отправлять будешь?

Алик внимательно посмотрел на меня. На долю секунды в его взгляде мелькнуло сомнение. Но он решительно поправил держащиеся на резинке очки:

– Так, а на посылку-то я всегда стрельну!

Не щелкай клювом

...а потом меня клюнула ворона. Прямо в темечко.

Клюнула потому, что я на неё наорал.

Наорал, потому что она меня перебивала. Я рассказывал Жестякову о событиях этой ночи, а ворона громко каркала.

Я не люблю, когда меня перебивают. Поэтому люблю писать письма.

Вечер начинался, как обычно. Группки офисных работников радостно преодолевали несколько сотен метров, разделяющих башню бизнес-центра и метро. Некоторые задерживались около подземного перехода, чтобы выпить вечернюю бутылочку пива. Это у нас называлось «парапет».

Никто не помнит, когда зародилась эта традиция. Но «парапет» стал такой же частью офисной культуры, как совещания по понедельникам, корпоративный Новый Год и день рождения директора. Весной, с первыми лучами тёплого солнца, «парапет» торжественно открывали. А осенью, соответственно, торжественно закрывали.

Первыми на «парапете» как бы случайно встретились мы с Аркадием. Потом подтянулась остальная компания, не готовая перейти из мира бизнес-процессов к реальности без соответствующей акклиматизации. Впрочем, на этот раз она затянулась...

Темнело. От «парапета» мы плавно переместились к МакДональдсу. И туалет ближе, и закуска. Но тут секретарша Леночка сказала мне:

– Поехали куда-нибудь танцевать?

Я порылся во всех уголках медленно работающего мозга и не нашёл ни одной причины, по которой бы мне не стоило сейчас танцевать. Мы взяли такси и куда-то поехали. Уже в машине я стал искать телефон, чтобы позвонить жене. Всё же, о «сверхурочной работе» нужно было предупредить. Телефона нигде не оказалось, зато мы оказались на какой-то заштатной дискотеке посреди новостроек. Как потом выяснилось – рядом с домом Леночки.

Утром меня стала беспокоить судьба мобильного телефона. Это было моё первое средство связи и первая его пропажа. Я решился позвонить, хотя не очень понимал, что могу услышать. Поэтому, когда в трубке зазвучал неожиданно спокойный голос, я растерялся. Растерялся настолько, что произнёс вопиющую глупость:

– Алё, это мой мобильный???

– Твой, твой! – ответил ироничный Жестяков. – На минуту взял позвонить, а ты уже куда-то уехал. Встречаемся на «парапете» через полчаса. И больше не щелкай клювом.

Из пункта, А в пункт Б

Время встречи изменить нельзя

– Да чего тут ехать? – нервно приговаривал Михалыч. – Восемь часов и мы в Питере. Мы ждали мою жену уже полтора часа.

Заправленные машины стояли около офиса. Авто Михалыча более напоминало грузовое – наш друг Аркадий захватил с собой тысячу необходимых вещей, бутерброды, огурцы и даже девушку. Как будто мы собирались ехать в какую-то глушь, где нет ни кафе, ни девушек. Впрочем, мой автомобиль тоже нельзя было назвать свободным – весь гардероб супруги сопровождал её в поездках любой длительности.

Когда в залитой солнцем, пыльной перспективе столичного проспекта появилась моя жена, всем стало понятно, почему она не могла приехать раньше. Как можно начинать такое путешествие с неидеальным макияжем и кое-как уложенной чёлкой? В какую муку превратились бы сотни километров пути, если бы тушь для ресниц легла неровно. Причём в муку не только для жены, но и для окружающих. Именно поэтому вместо традиционных для такой ситуации извинений, кажется, даже вместо приветствия, мы услышали:

– Ну, мальчики? Чего стоим? Я готова!

Начало пути

Итак, через полтора часа мы тронулись. И сразу же попали в пробку, потому что последний рабочий день многотрудной недели подходил к концу, столица выдвигалась на дачи... А в пробке моё авто сразу же выказало явное нежелание путешествовать. Двигатель стал чихать и глохнуть.

Тут я впервые оценил захваченные с собой рации:

– Полет-2, я Полет-4! Михалыч, держись ближе к обочине, могу встать...

Скоро рации заговорили снова:

– Полет-4, я Полет-2! Жека, выползаем на разделительную, а то все выходные тут проведём...

На разделительной, действительно, машины двигались быстрее. Рации бодрым голосом Михалыча хвалили единственно верное тактическое решение. Вдруг голос стал озабоченным:

– Полет-4, я Полет-2! Упёрся в гаишную машину, снова уходим на обочину...

Не прошло и двух часов, как мы вырвались на свободное пространство Ленинградского шоссе.

Расставание с мечтой

Только мы набрали крейсерскую скорость, раздался громкий хлопок, машину стало мотать из стороны в сторону. Едва удержав руль, я осторожно съехал на обочину. Взорвавшееся колесо после трудного торможения напоминало старенькое боа.

Домкрат глубоко зарывался в песок, не давая поднять машину. Пришлось откатить её на другое место. Потом ещё раз. И ещё раз...

Жена по моему поручению бродила вокруг в поисках какой-нибудь доски, которая могла бы создать подобие твёрдой почвы. Проезжающие в это время оценивали макияж супруги. Мой же состоял из чёрных полосок грязи, украшенных стразами пота.

Прошёл ещё час. После короткого совещания мы решили, что идея уйти с работы чуть пораньше и за один вечер доехать до Питера потерпела фиаско. Добраться до сколь-нибудь цивилизованного места на середине пути и заночевать – таков был наш новый план.

Вышний Волочёк

Единственная гостиница этого города расположена на его единственной улице. Наверное, улица там не одна... Но эта – единственная в понимании жителя любой из столиц.

Закинув вещи в номера, мы спустились в кафе. Такие заведения обычно больше напоминают кухню в типовом блочном доме. Пара столов, накрытых скатертями в красную клетку, обязательно декорируется полевыми цветами в пластмассовых стаканах. Салфетки выдаются по требованию, о зубочистках лучше не спрашивать. Зато цены не просто радуют, а приятно изумляют. Договорённость не пить на трассе была прервана возгласом Аркадия:

– И две бутылки водки, пожалуйста!

Впрочем, это позволило после трудного дня быстро забыться почти здоровым сном.

Утро

Невозможно понять, когда наступает утро в таких вот городках. Но когда ты просыпашься, становится ясно, что день в самом разгаре.

Мы позавтракали и спустились к машинам. Завелись. Точнее, Михалыч завёлся. Я же тупо поворачивал ключ.

– У! – сказал Михалыч. – Открывай капот.

Купленные перед поездкой высоковольтные провода представляли собой печальную картину. При попытке снять провод со свечи он просто рвался.

Вы когда-нибудь пробовали найти магазин запчастей ясным субботним утром в Вышнем Волочке? И не пробуйте!

Потеряв всего полтора часа, мы снова двинулись в путь.

Новгород Великий

Тем не менее, впереди было ещё много времени, и мы решили осмотреть красоты древнего Новгорода.

Развалины средневековых сооружений отличаются от современных городских стен отсутствием рекламы. И кое-где – более ухоженным видом. Поэтому новгородский кремль нас не впечатлил, и мы решили осмотреть ближайший к нему ресторан.

Обед всегда положительно влияет на настроение путешественников. Если, конечно, на глазах у двух водителей никто не заказывает 150 граммов водки к борщу... Этого мы не могли простить Аркадию ещё год.

Впрочем, следующие несколько часов я думал совсем о другом...

Наугад

От Новгорода до Питера примерно 170 километров. С учетом неплохой дороги это расстояние преодолевается за два часа. Конечно, при условии нормальной погоды.

Нельзя сказать, что пошёл дождь. Скорее, он упал – плотным, тяжёлым потоком, в котором нельзя было разобрать отдельных капель. Пробежав десяток метров, мы вымокли до нитки.

Я завёл двигатель и включил дворники. Нервно дёрнувшись пару раз, они предательски замерли. Предохранитель был в порядке. Я открыл капот и попробовал замкнуть схему без реле – при таком дожде меня вполне устраивал постоянный режим работы стеклоочистителя. Дворники, как бы издеваясь, дёрнулись ещё раз и замерли навсегда.

Лобовое напоминало стекло в туалете плацкартного вагона – сквозь мутную пелену с трудом угадывался силуэт впереди идущей машины и два её габаритных огня. Я взял рацию:

– Полет-2, я Полет-4! Михалыч, иду за твоими габаритами, скорость 40.

Последний бросок

Наверное, я напоминал храброго лётчика, идущего на таран. Вцепившись руками в руль, я почти прижался к лобовому, чтобы видеть две заветные красные точки – единственное, что я мог разглядеть на дороге. Сначала начали болеть глаза, потом – поясница. Всё же, на таран идут несколько секунд, а не два часа.

За 50 километров до города нас обогнал двухэтажный туристический автобус. Огромный белый красавец шёл сотню, переливаясь огнями по всему периметру. Такой шанс нельзя было упускать. И я рванул за ним.

– Полет, бля, четыре! – заверещала рация. – Ты куда?

– Спокойно, Полет-2. Осталось недолго.

Когда мы въехали в город, я уже не мог реагировать на сигналы светофоров. Тем более что красные огоньки вызывали у меня только положительные эмоции. Деликатные питерцы пропускали сумасшедшую колонну с московскими номерами.

Подъехали к дому. Я заглушил двигатель, почти лег в водительском кресле и закрыл глаза. Я бы, наверное, уснул, если бы не решительный голос Аркадия:

– Водки! Стакан!

Всё-таки, хорошо, что он столько взял с собой в дорогу.

Вместо послесловия

Утром мы купили пива и пошли гулять в парк. Среди многочисленных аттракционов были столь любимые детьми электромобили.

— Михалыч! — сказал я. — Надо сделать то, о чем я думал всю дорогу... Иначе у меня возникнет комплекс.

Мы уселись в тесных автомобильчиках. Как только аттракцион заработал, я разогнался и со всего размаха влетел в Михалыча сзади. От неожиданности он чуть не выпал из кресла. Потом обернулся и виновато сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.